

сообщается очень реальная подробность о причине пожара — пономарь, уснув после утрени, спросонок ушел домой, забыв потушить горевшие на высоком месте свечи. Однако, рассказав о столь прозаических обстоятельствах пожара, Нестор тут же высказывает мысль, что это все было от «божьего промысла», так как церквушка Василия была плохая и ветхая, а святые заслуживали лучшей.<sup>80</sup> В «Сказании» эти конкретные подробности и размышления опущены, но просто сказано о пожаре храма и постройке клетской часовни над могилами князей. История с извещением Ярослава о пожаре церкви, изъятии гробниц князей из земли и постановке их в клетской церковке изложена как в «Чтении», так и в «Сказании» по содержанию почти одинаково. У Нестора изложение по стилю официальнее и суше, в «Сказании» — несколько живее и проще. Любопытно опять-таки, что и здесь в «Сказании» почему-то опущена ссылка на «градника», известного Ярослава о чуде и пожаре, о чем сказано в «Чтении». Однако пополнено описание эмоций митрополита Иоанна, который, узнав о чуде, «бысть преужасьн и в усъмнении, таче и в дързновении и в радости и к богу».

Отмеченные различия «Чтения» и «Сказания» в деталях этого рассказа, восходящего к одному источнику — вышгородским записям, позволяют оценить отношение авторов к их материалу. Нестор делал выборку не очень последовательно и не очень внимательно. Так, он пропустил имевшееся в вышгородских записях сообщение о постройке клетской часовни, а в рассказе о перенесении сослался на «преже реченую клетку», не заметив, что сам он о ней не сказал.<sup>81</sup> Сохраненная Нестором бытовая подробность о причинах пожара церкви мешает его же сентенции о промышлении божьем. Автор «Сказания» на первый взгляд напрасно опускает точные жизненные детали о прославшем пономаре и об извещении князя именно «градником». Однако эти опущения не случайны. Автор критически отбирает свой материал с ясным сознанием того, где он должен быть документальным и доказательным, — это в сюжетах о чудесах. Здесь же речь идет о вещах обычных — пожар дело частое, извещение князя о пожаре тоже не требует точной ссылки на лицо. А вот для показа значительности события — первого проявления сверхъестественной силы мощей Бориса и Глеба, автор не ограничивается набором сведений об «благой воне» и «светлости» ликов трупов, но вводит очень оживляющую рассказ фразу об охвативших митрополита противоречивых чувствах — ужасе и радости, колебаниях и смелости.

Повествование о чуде с хромым отроком в «Чтении» и «Сказании» почти одинаково.<sup>82</sup> Только в «Сказании» точно названо имя градника — это Миронег, а отрок — это его сын. С. А. Бугославский даже предполагал, что данный рассказ в вышгородской записи был скреплен подписью Миронегга, хотя текст не дает к тому никаких оснований.<sup>83</sup>

Точно так же рассказы «Чтения» и «Сказания» о чуде со слепым мужем по своему содержанию мало отличаются.<sup>84</sup> В «Сказании» снова назван Миронег, сообщивший о чуде Ярославу, но опущены некоторые детали «Чтения», например, сведения о приглашении древоделей, о заготовке ими в зимнее время материала для постройки церкви, о заказе Ярославом первого иконного изображения Бориса и Глеба. То обстоятельство, что ново-

<sup>80</sup> Д. И. Абрамович. Жития... стр. 16.

<sup>81</sup> Таким образом, этот момент не может служить аргументом в пользу позднейшего времени «Чтения» (ср.: С. А. Бугославский. Памятки..., стр. XXVI).

<sup>82</sup> Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 17—18, 54.

<sup>83</sup> С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 134.

<sup>84</sup> Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 18, 54—55